

более пристального внимания заслуживает и сама категория менталитета. Его заявленная «многозначность» — не есть основания для отстранения, но, напротив, — для прояснения исследовательского алгоритма и «стратегии» интерпретации. Последние, убеждены, выиграли бы от актуализации представлений (пусть многозначных!) о структуре менталитета, его координатах. Выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что не реализован с должной степенью эффективности понятийный аппарат исследования.

Данные замечания не снижают самой высокой оценки работы. В монографии выявлена и убедительно обоснована эволюция менталитета и социального поведения рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, комплекс взаимодействующих факторов исторической динамики и статики, определивших ее характер и направленность. Полученные автором результаты и выводы представляют значительный научный интерес и могут быть использованы в дальнейшей разработке актуальных проблем отечественной истории.

Л.В. Сапоговская

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ (РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ПРАВОВЫХ АКТОВ И ДОКУМЕНТОВ «СОСЛОВНО—ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI — НАЧАЛО XX ВЕКА). (Редактор-составитель к.и.н. А.Ю. Конев. Тюмень: Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН. 1999. 237 с.)

Уходят в прошлое десятилетия за десятилетиями, смывая границы между веками. Безвозвратно исчезают события и люди. Остается память. Память о прошлом, живущая в устной традиции, в материальных фрагментах былого, в чернильных строках, слившихся с пергаментом или бумагой. Она хранит идею о том, что было до нас, воссоздает картины минувшего, доносит слабый голос творивших его. Память дает нам возможность размышлять над прошлым, проектировать будущее. Однако эта субстанция столь эфемерна, что каждое новое поколение вынуждено открывать для себя историю заново.

Вот уже не одно десятилетие и столетие история Сибири — громадного восточного региона России — продолжает будоражить воображение исследователей очередного поколения, по-своему оценивающих наследие, доставшееся от предков. Различные данные, зафиксированные в летописях, скасках, отписках первопроходцев, челобитных, жалованных грамотах, царских указах, правительственных установлениях хранят отголосок живых свидетельств разворачивания геополитических, социально-экономических, этно-культурных, юридико-правовых процессов в том, тогда еще фактически неведомом крае. Благодаря интересу к прошлому и обращению к разнообразным документам Семену Ремезову удалось создать «Историю сибирскую», а Герарду Фридриху Миллеру «Историю Сибири». Оценивая этот вклад в копилку человеческих знаний, в начале 30-х годов XIX в. П. Словцов

замечал, что «История Сибири для нас выходит из пелен samozабвенья не ранее, как по падении ханской чалмы с головы кучумовой» [1]. Объяснение тому — отсутствие документов более раннего периода в архивах Сибири.

Выявление источников, «явление» их свету — первейшая задача историка. Каждое поколение «хронографов», решая ее, сталкивается с определенными проблемами. Г.Ф. Миллер, проживший в Сибири 10 лет, специально занимаясь историей края, побывал во всех городах, где хранились архивные материалы, но многого он не нашёл. Архивы Тобольска, Томска, Иркутска, Енисейска и других крупных городов утратили немало ценных документов. Их плохо хранили, поэтому сырость и огонь часто поглощали бесценное прошлое и навсегда скрывали его от потомков. Однако были и корыстные мотивы в целенаправленном уничтожении документов — навсегда спрятать действительное положение на местах, столь отдаленных от центра. В письме от 1 марта 1742 года в Академию наук Миллер сообщал, что о времени до 1593 года в сибирских архивах никаких старинных известий не попадалось. Хотя город Тюмень был основан в 1586 г., а Тобольск в 1587 г., архив Тюмени начинается с 1594 г., а Тобольска с 1625 г. Не удалось найти документы о первых десятилетиях Тобольска ни Миллеру, ни позднейшим исследователям сибирской старины даже в архивохранилище Сибирского приказа [2].

Видимо, этим объясняется то, что в рецензируемом сборнике правовых актов и документов [3] подборка начинается с самого конца XVI в. За сухими заголовками его четырех разделов — правовые акты и документы с конца XVI до начала XX в., совокупность законодательных актов и делопроизводственных материалов, раскрывающих основные направления административной, социально-экономической и сословной политики государства в регионе, практику управления краем в целом и проживающим здесь аборигенным населением в частности. Автором-составителем акцент сделан на материалах, относящихся к обско-угорскому (ханты, манси) и самодийскому (ненцы) населению региона. В сборник также включены важнейшие нормативно-юридические акты, определявшие основы правительственной политики в отношении всех групп сибирских аборигенов. Издание снабжено краткими комментариями, списком использованных источников, списком сокращений, географическим указателем, именным указателем, существенно облегчающими работу с документами.

Публикации обширного свода документов предшествует предисловие, в котором, как в зеркале, просматривается интерес исследователей к различным проблемам истории коренного населения края, взаимоотношений сибирских народов и Русского государства [4]. Автор предисловия бегло характеризует ключевые работы и методологические подходы, на которых они базируются (Г.Ф. Миллер, В.И. Вагин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, А.А. Дунин-Горкавич, С.В. Бахрушин, Л.М. Дамешек, М.М. Федоров, Е.В. Вершинин и др.). Наибольшее освещение в историографии получили проблемы социально-экономического и культурного развития, что наглядно проиллюстрировано и критически оценено в предисловии сборника. Наряду с традиционными, привычными оценками, в последнее время появились и нестандартные. Это еще раз подчеркивает то обстоятельство, что только собственное изучение документов, в частности, представленных в данной публикации, позволяет

приблизиться к истине. К сожалению, отсутствие анализа проблем сибирской истории зарубежными авторами напоминает традиционные черты отечественных исследователей недавнего прошлого. С этой традицией пора расставаться.

Опираясь на работы своих предшественников и собственные исследования, А.Ю. Конев предлагает схему исторической эволюции правового статуса и административного положения народов рассматриваемого региона. На первом этапе (конец XVI — начало XVIII вв.) узаконено присоединение территории края и проживающих на ней народов, юридически закреплено их подданство, неразрывно связанное с ясачной податью. Второй этап (20-е гг. XVIII в. — 1821 г.) знаменовал установление правовых методов в практике взаимоотношений государства и «ясашных иноверцев», характеризовался активной политикой в области духовно-идеологического влияния. На протяжении третьего этапа (1822—1917 гг.) юридически закрепляется и получает высшее развитие синтезированная система «инородческого» самоуправления и судоустройства, окончательно оформляется сословие «инородцев» в составе трех разрядов (оседлые, кочевые и бродячие), выделенные по экономико-хозяйственному, податному и административному признакам [5].

Документальные материалы, публикуемые в сборнике, сгруппированы в соответствии с данной периодизацией и включают в себя указы и грамоты сибирским воеводам, царские грамоты, отписки воевод, челобитные ясашных. А.Ю. Конев кратко характеризует документы, свойственные каждому из этапов.

Вращаясь вокруг ясачного сбора, законодательство XVII в. не только обслуживало собственно эту сферу, но и затрагивало такие важные стороны взаимоотношений государства и населения вновь присоединяемых сибирских территорий, как землевладение и землепользование, суд, выполнение различных «служб», христианизация. Главной задачей, которую решало законодательство этого периода, было закрепление подданства ясачных «иноземцев» при минимальном вмешательстве во внутренние дела аборигенных социумов.

К концу XVII в., вытесняя указы и грамоты, основным источником государственно-правовых норм в отношении сибирских народов становятся царские указы. В конце XVII—XVIII вв. они представлены в основном именными и сенатскими указами, а в XIX в. — высочайше утвержденными положениями Сибирского комитета и Государственного совета. Они определяли организацию местного управления, податное обложение, учет, процесс христианизации аборигенов и т.д. Составитель сборника также помещает нормативные документы, которыми регулировался судебно-административный и податный статус быстро увеличивавшейся в XVIII в. прослойки новокрещеных.

«Устав об управлении инородцев» (1822 г.) открывает третий раздел сборника. Этот основополагающий законодательный акт до последних десятилетий XIX в. определял принципы правительственной политики в отношении сибирских народов, их сословно-правовой статус, административное и экономическое устройство. Другие документы третьего раздела развивают и уточняют некоторые положения «Устава» 1822 г., касающиеся системы податного обложения, организации учета, самоуправления, судоустройства, иллюстрируют практическую реализацию нововведений.

В четвертом разделе сборника помещены документы, относящиеся ко времени подготовки и проведения преобразований, направленных на упразднение сложившихся в результате реформы 1822 г. организации низового управления и системы поземельно-податного устройства аборигенов региона. Это был период, когда правительство взяло курс на полную унификацию сословно-правового положения основной массы инородческого и русского сибирского населения.

Многие документы конца XVI—XVII вв. публиковались ранее, но учитывая труднодоступность этих публикаций XIX — начала XX вв. для специалистов по истории Сибири, живущих в провинции, их повторная публикация, предпринятая А.Ю. Коневым, представляется не только оправданной, но и, безусловно, полезной.

Таким образом, автор сборника разбил документацию соответственно логике исторического процесса, обосновал роль и значение каждого блока, вошедшего в публикацию. В результате, при их внимательном анализе возникает документальная мини-история аборигенов Севера Западной Сибири. Работа безусловно необходима и имеет свою перспективу. Желательно расширить диапазон источников, проведя изыскания в старейших архивах Сибири, осветить исторические взаимосвязи русского государства с другими иноверцами, привлечь иностранные свидетельства.

В.К. Алексеева, Е.В. Алексеева

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1896. С. XX.
2. Жизнь Сибири. Новониколаевск. 1923. № 8. С. 45.
3. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов северо-западной Сибири (конец XVI — начало XX века). Редактор-составитель к.и.н. А.Ю. Конев. Тюмень: Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН, 1999. 237 с.
4. Там же. С. 9—42.
5. Там же. С. 14—15.

ФЕЛЬДМАН М.А. РАБОЧИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В 1914—1941 гг. (ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК). (Екатеринбург: УрГУ, 2001. 430 с.)

Сегодня исследователи все чаще работают в рамках нового перспективного направления — социальной истории. К данной категории исследований относится и монография М.А. Фельдмана. Она является одной из первых в отечественной историографии попыток изучения одного из крупнейших социальных слоев общества — рабочих крупной промышленности на всем протяжении 1910—1930-х гг. Выполненная на материалах одного из крупнейших регионов — Урала, монография раскрывает вопросы численности и состава рабочих крупной промышленности, позволяет судить о поведении и действиях рабочих масс,